

Н. В. Немирова
Сыктывкар, Россия

ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ «КУЛИКОВСКАЯ БИТВА» В РОССИЙСКОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. Историческое событие «Куликовская битва» в газетном дискурсе рассмотрено через призму прецедентности. Анализ исторических событий в политической коммуникации зависит от многих факторов, однако основным является структурообразующий параметр — оппозиция «мы — они». Политическая интерпретация исторических событий должна рассматриваться как прецедентная, потому что исторические события (политические сценарии) представляются как совокупность прецедентных ситуаций, имена исторических личностей — как прецедентные имена, выражения политических деятелей — как прецедентные высказывания. Анализ публикаций показывает, что журналисты воспроизводят следующие структурные элементы анализируемого события, извлеченные ими из разных источников: благословение, данное С. Радонежским князю Дмитрию на битву с Мамаем; ночное гадание перед битвой князя Дмитрия и Д. М. Боброка Волынского; поединок Александра Пересвета и Челубея, построение русского войска и войска Мамаю; итоги сражения; значение Куликовской битвы в истории России. Выявлены основные проблемы интерпретации исторического события: надежности источников, в которых оно находит отражение, его реальности, места, появления антропонима «Дмитрий Донской», детализации, значения для истории России; определены «внешние» и «внутренние» признаки события; проанализированы теоретические, эмпирические, ценностные, декодирующие аргументы, использованные авторами публикаций. Демонстрируется, что интерпретация исторического события отражает убеждения журналистов, направлена «на пропаганду тех или иных идей», адресант стремится убедить читателя в истинности своих суждений, побуждает его разделить высказываемую точку зрения, используя не только теоретические, эмпирические, декодирующие аргументы, но и оценочные, рассчитанные на «эмоциональное воздействие» на адресата.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: прецедентные феномены; историческое событие; «внутренние» и «внешние» признаки события; проблемы интерпретации; демифологизация; аргументация.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Немирова Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологического образования, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, 167001, г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, 55; e-mail: nvnemirova@yandex.ru.

В российском газетном дискурсе находит отражение политическая картина мира. Политическая картина мира — «сложное объединение ментальных единиц (концептов, стереотипов, сценариев, концептуальных полей, ценностей и др.), относящихся к политической сфере коммуникации и политическому дискурсу» [Чудинов 2007: 43]. Политическая коммуникация — «речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям» [Чудинов 2007: 6]. Е. А. Нахимова подчеркивает, что «журналисты часто обращаются к истории России, к именам и судьбам людей, которым довелось сыграть важную роль в отечественной истории, наименования «былых битв и эпох, имена людей, получивших известность в былые времена, нередко используются в современных текстах как прецедентные, то есть функционируют в тексте не как имя конкретной исторической личности, а в качестве своего рода культурного знака...» [Нахимова 2008: 114].

Анализ исторических событий в политической коммуникации зависит от многих факторов, однако основным является структурообразующий параметр — оппозиция «МЫ — ОНИ» [Дейк 1989: 183].

Различия в политической интерпретации становятся наиболее очевидными в случае существования противоположных точек зрения на значение того или иного исторического события и наличия противопоставленных

друг другу оценок деятельности той или иной исторической личности.

Такого рода политическая интерпретация является прецедентной, так как исторические события, в анализе которых объективируются диаметрально противоположные идеи, относятся к числу национально значимых явлений исторической действительности: исторические события (политические сценарии) представляются как совокупность прецедентных ситуаций (ПС), имена исторических личностей — как прецедентные имена (ПИ), выражения политических деятелей — как прецедентные высказывания (ПВ) [Немирова 2011: 432].

Рассмотрим особенности современной интерпретации в российском газетном дискурсе исторического события «Куликовская битва», 635 лет со дня которого отмечалось в сентябре 2015 г.

Куликовская битва — сражение, которое в национальном сознании относится к числу прецедентных. В «Историческом словаре» событие трактуется следующим образом: «Куликовская битва русских полков во главе с великим князем московским и владимирским Дмитрием Донским и монголо-татарским войском под началом Мамаю 8 сентября 1380 г. на Куликовом поле. В ней участвовали воины многих русских княжеств, украинские и белорусские отряды, борьбу с врагом возглавило Московское великое княжество. Завершилась разгромом монголо-татар. Начало освобождения русского и других народов от монголо-татарского ига.

В переносном значении — решающее, жизненно важное сражение» [Куликовская битва]. По наблюдениям Е. А. Нахимовой, «среди властителей Московского периода современные журналисты и политики особенно часто вспоминают Дмитрия Донского и Ивана Калиту. Первый воспринимается как победитель в Куликовской битве и часто упоминается среди выдающихся российских полководцев» [Нахимова 2011: 147—148].

Куликовская битва в соответствии с Законом РФ «О днях воинской славы России» отмечается 21 сентября [Закон РФ «О днях воинской славы России»]. Несмотря на это, Куликовская битва, по справедливому утверждению А. Е. Петрова, «остаётся едва ли не самым мифологизированным событием русской истории» [Петров 2003: 22].

Т. ван Дейк выделяет различные категориальные элементы структуры когнитивной модели, такие как обстановка, обстоятельства, участники, событие, действие [Дейк 1989: 141]. В. З. Демьянков определяет 12 признаков «текстового события»: статичность — динамичность, контролируемость — неконтролируемость, рассмотрение в целостности и по фазам, моментальность — длительность — повторительность, достигнуто — недостижимо цели, степень достоверности, ролевые функции участников события, противопоставление известного, желательного и предпочтительного событий, пространственно-временная локализация события, квантифицируемость события, причинность — беспричинность [Демьянков 1983: 321]. Сопоставление «постоянных категорий» субъективной модели дискурса Т. ван Дейка и «признаков» события, выделенных В. З. Демьянковым, делает очевидным некоторые элементы «пересечения» концепций, к которым относятся Обстановка (Время, Место) и пространственно-временная локализация; Участники и ролевые функции участников события. Очевидно, что эти признаки события можно отнести к «внешним» признакам, и они могут быть рассмотрены в рамках концепции Т. ван Дейка как категории дискурса. Остальные признаки определим как «внутренние» признаки и будем их рассматривать в пределах дискурсивной категории «Событие».

Для того чтобы проанализировать особенности интерпретации анализируемого исторического события, необходимо рассмотреть формы аргументации, которые используют противоборствующие стороны. «В зависимости от коммуникативных целей и критериев оценки Ю. Хабермас выделяет следующие формы аргументации»: „теоретический дискурс“, „практический дискурс“, „эстетическая критика“, „терапевтическая

критика“, „объясняющий дискурс“» [Демьянков 1989: 19], таким образом, можно выделить теоретические, эмпирические, ценностные, декодирующие аргументы. Теоретические аргументы, направленные «на действительность телеологически осмысленных действий», — это «когнитивно-инструментальные высказывания», цель которых — «установить истинность суждений» [Демьянков 1989: 19]. Эмпирические аргументы нацелены на доказательство объективно существующего или существовавшего, реального действия, события и т. п. Оценочная аргументация сконцентрирована на «концептуальном анализе оценочных предикатов (аксиологических, деонтических и психологических)», направленном «на экспликацию логических свойств той идеальной модели, относительно которой производится квалификация объекта» [Арутюнова 1988: 61], реализована в обще- и частнооценочных значениях: общеоценочные значения, характеризующиеся оппозицией *хороший/плохой*, осложняются частнооценочными значениями, такими как сенсорно-вкусовые, психологические (интеллектуальные и эмоциональные), рациональные (эстетические, этические, утилитарные, нормативные, телеологические). [Арутюнова 1988: 76—76]. Декодирующие аргументы нацелены «на понятность и правильнооформленность символических конструкторов» [Демьянков 1989: 19]. В каждой из форм аргументации возможно использование выделенной О. Дюкро в качестве «основания для принятия довода» «апелляции к авторитету»: в этом случае «говорящий как бы вводит в дискуссию еще один голос — еще одного незримого участника, который с этого момента становится гарантом еще одной точки зрения (на нее-то и предлагается опереться адресату)» [Демьянков 1989: 27]. Журналисты прибегают к цитации трудов ученых и комментариев политиков, которые могут быть квалифицированы как прецедентные высказывания, так как, попадая в новый контекст, они служат подтверждением точки зрения адресанта.

Рассматриваемое событие нашло отражение в ряде публикаций современных газет: в статье А. Барашовой «Память Куликова поля» [Барашова 2015], К. Кудряшова «Переиграть Мамая. Как Дмитрий Донской одолел более сильного противника» [Кудряшов 2015а], К. Кудряшова «Гениальный план Ивана Великого. Как стояние на Угре положило конец игу» [Кудряшов 2015б], Ю. Рябцевой «Пересвет над Москвой-рекой» [Рябцева 2015] и др.

Современный газетный дискурс — многоструктурное явление, он не ограничивает

ся рамками печатных изданий: «На базе редакций печатных изданий, трансформирующихся сегодня в мультимедийные ньюзрумы, стали объединяться редакции интернет-версий, отделы, занимающиеся созданием аудиовизуального контента, редакции вещательных СМИ. Газеты начали использовать новые медиаплатформы для распространения своего контента, т. е. новые каналы распространения информации, такие как Интернет, мобильный телефон, электронная бумага (e-paper) и др.» [Баранова 2014: 16]. Таким образом, газетный дискурс формируют все доступные на сайте газеты материалы. Аудиовидеозаписи транслируемой информации могут репрезентироваться вербальными знаками, например, вербальная репрезентация аудиозаписи дискуссии, организованной И. Панкиным «Была ли Куликовская битва», в которой приняли участие исследователь исторических загадок А. Синельников, доктор исторических наук В. Лавров и член Общественной палаты А. Лукутин [Панкин 2015].

Анализ публикаций показывает, что журналисты воспроизводят следующие структурные элементы анализируемого события, извлеченные ими из разных источников: благословение, данное С. Радонежским князю Дмитрию на битву с Мамаем; ночное гадание перед битвой князя Дмитрия и Д. М. Боброка Волынского; поединок Александра Пересвета и Челубея, построение русского войска и войска Мамаю; итоги сражения; значение Куликовской битвы в истории России, — отражающие основные проблемы интерпретации Куликовской битвы.

Первая проблема — проблема надежности источников, в которых отражено историческое событие «Куликовская битва»: «Источников о Куликовской битве всего два. Это „Задонщина“ и „Сказание о Мамаевом побоище“. Так называемое „Сказание“ вышло юбилейное, оно вышло практически к 200-летию Куликовской битвы. А „Задонщина“ очень коротенькая и некая такая песня легендарная. Вот всего два источника» (А. Синельников) [Панкин 2015]. Аргументация А. Синельникова — эмпирическая.

Вторая проблема, обсуждаемая в публицистике, — это проблема реальности анализируемого исторического события.

Авторы современных газетных публикаций, анализирующих Куликовскую битву, обращаются прежде всего к эмпирической аргументации, к указанию на источники, в которых зафиксировано это историческое событие — «Летописной повести» в общерусском летописном своде 1408 г., «Задонщине» (памятнике конца XIV — начала XV в.,

сохранившемся в списке XVII в.), «Сказанию о Мамаевом побоище» (памятнике конца XV в., сохранившемся в списке XVII в.), например: «После сражения войск Дмитрия Донского с полчищем Мамаю в живых остались меньше четверти русских. Об этом говорится в таких древних источниках, как „Задонщина“, „Сказание о Мамаевом побоище“, „Летописная повесть“» [Барашова 2015].

В вербальной репрезентации дискуссии о Куликовской битве, развернувшейся в студии радио «Комсомольская правда», отражены различные точки зрения на реальность этого события. Иван Панкин начинает дискуссию следующей фразой: «Намедни исполнилось 635 лет Куликовской битве. Я сейчас скажу вам крамольную вещь: не было Куликовской битвы. По крайней мере, такие предположения имеют место» [Панкин 2015]. Таким образом, журналистом делается попытка демифологизировать это историческое событие. Несмотря на то что другие участники дискуссии утверждают, что Куликовская битва была: «Я считаю, что Куликовская битва была, только необходимо уточнить, в каком месте она была, ради чего она была» (А. Синельников); «Куликовская битва, безусловно, была. И была на Куликовом поле» (В. Лавров), И. Панкин делает вывод: «Мы выслушали многих экспертов. Все версии разнятся. Но одно можно сказать точно: полной правды по этому вопросу мы, наверное, все-таки уже не узнаем никогда» [Панкин 2015].

Традиционная точка зрения изложена в статье К. Кудряшова «Переиграть Мамаю. Как Дмитрий Донской одолел более сильного противника», который, используя прецедентные имена, наименования, ситуации, приводит различные оценки этого события: «Тем не менее в нашем сознании именно Куликовская битва стала одним из главных сражений в истории. О таких событиях говорят: „Известны со школьной скамьи“. Но об этой битве мы знаем даже с детского сада, поскольку советский мультфильм „Лебеди Непрядвы“, созданный к 600-летию юбилею сражения, адресован как раз самым маленьким: Сергей Радонежский, Дмитрий Донской, Пересвет и Челубей, Мамай и засадный полк... И торжественный финал — наши наконец-то победили татаро-монголов...»; «Оно было не самым масштабным и не самым успешным — противники остались „при своих“»; «Непонимание рождает раздражение и даже желание переписать историю... А от источников отмахиваются — дескать, слишком поэтичны и потому недостоверны» [Кудряшов 2015а]. К. Кудряшов обращается к оценочной аргу-

ментации, используя телеологическую оценку, направленную на трансляцию адресату идеи значимости анализируемого события в истории России.

Третья проблема, активно обсуждаемая в публикациях, — это проблема места Куликовской битвы: «И вот уже нам рассказывают, что битва произошла в Москве, на Куличках, да и была она вовсе не битвой, а так — зурядной поножовщиной» [Кудряшов 2015a]; «Куликовская битва, безусловно, была. И была на Куликовом поле» (В. Лавров); «Я долго занимался именно местонахождением Куликовской битвы. Я поддерживаю здесь, что Куликовская битва была на территории Москвы. Никак не под Тулой... Мы знаем, что Мамай стоял на Красном холме. В Москве это известно — у нас Краснохолмский мост есть. То есть это Таганка. Таганский холм знаменитый. А напротив его через речку стоял Дмитрий Донской» (А. Синельников) [Панкин 2015]. Аргументация А. Синельникова — предположительно-эмпирическая. Ученые-историки идею «Куликово поле находилось в Москве» назвали «псевдооткрытием» [Бочаров 2006: 146].

Четвертая проблема — проблема появления части антропонима Донской в имени «Дмитрий Донской»: «Князь Дмитрий, чудом уцелевший в кровавой сече, прозванный за победу Донским, на следующий день „встал на костях“ и почтил память погибших, прощаясь с ними и прося о прощении» [Барашова 2015]; «Как мы знаем, Дмитрий Донской перед Куликовской битвой от донских казаков получил список с иконы Владимирской Божьей Матери, которая была потом названа Донская Божья Матерь» (А. Синельников), и «поэтому он получил прозвище Дмитрий Донской» [Панкин 2015]. А. Барашова воспроизводит традиционную точку зрения, поддержанную учеными, поэтому можно говорить об использованной журналистом теоретической аргументации; А. Синельников обращается к эмпирической аргументации.

Пятая проблема — проблема детализации события.

Практически во всех публикациях сообщается о благословении С. Радонежского: «...на судьбоносный поход князя Дмитрия Ивановича благословил прославленный игумен Сергей Радонежский, самый авторитетный служитель православия» [Барашова 2015]; «18 августа 1380 года перед Куликовской битвой князь московский Дмитрий в поисках духовной поддержки отправился за благословением в Троицкий монастырь к преподобному Сергию Радонежскому» [Рябцева 2015]; «Если читать внимательно мате-

риалы, то Сергей Радонежский, который в то время был духовником Дмитрия Донского, дал ему на Куликовскую битву целое подразделение боевых монахов, рыцарей-монахов» (А. Синельников) [Панкин 2015]. Благословение на битву С. Радонежского принимается журналистами как фактическое событие, только А. Синельников считает необходимым указать на некоторые материалы, обращаясь к эмпирической аргументации.

О «ночном гадании» упоминает К. Кудряшов и предлагает своеобразную интерпретацию метафор, использованных при его описании: «Князь Дмитрий и воевода Боброк... накануне битвы пытаются угадать, за кем будет победа. Приметы прямо как в сказке — крик гусей, вой волков, грай воронов. Да еще Боброк „слушает землю“: „У татар стук громкий, будто город строится, и клики, и женский вопль, а в русском стане тихо“. И делает вывод, что русские победят, но ценой большой крови. Сплошная мистика! А между тем князь не зря сказал после битвы Боброку: „Воистину, не ложь твои приметы!“ Дело в том, что „гадания“ — обычное дело в средневековом сражении. Вой волков и крик птиц — не сказка, а жестокая правда. Войску Мамайя пришлось произвести спешный и длинный ночной марш, во время которого оно распугало обитателей степи. „Женский вопль“ — всего лишь скрип тележных осей. Всё вместе дает основание предположить, что противник вымотан, кони и люди устали. А значит, победа вполне вероятна» [Кудряшов 2015a]. К. Кудряшов использует декодирующую аргументацию, обращаясь к расшифровке символов.

Битва Александра Пересвета с Челубеем перед началом Куликовской битвы воспроизводится журналистами следующим образом: «Перед началом Куликовской битвы Пересвет принял участие в традиционном „поединке богатырей“. Со стороны татар ему противостоял богатырь Челубей. Оба противника были на конях, вооружение составляли копья, но копье Челубея было длиннее обычного, что делало его практически непобедимым воином-поединником. Вступая с ним в бой на копьях, противник не успевал даже нанести удар, как уже оказывался пронзенным и выпадал из седла. Зная об этом, Пересвет снял с себя доспехи, оставшись лишь в одной монашеской накидке с изображением креста... Оба противника получили смертельные раны. Александр Пересвет был причислен Русской православной церковью к лику святых» [Рябцева 2015]; «По некоторым источникам, сражение началось с поединка двух богатырей. С русской стороны на поединок был выставлен Алек-

сандр Пересвет — монах Троице-Сергиева монастыря... Его противником оказался татарский богатырь Темир-мурза (Челубей)» [Барашова 2015]. И. Панкин использует теоретические аргументы, цитируя доктора исторических наук Ю. Жукова, который «считает, что битва между Пересветом и Челубеем на самом деле вовсе народный вымысел»: «Дело в том, что о Куликовской битве известно только из одной летописи псковской. И то там два строчки. Народная фантазия все расцветивает, украшает, вводит героев» [Панкин 2015]. Этот же аргумент приводит и К. Кудряшов: «Дальнейшее решали уже простые воины. И тут, к великому сожалению многих, рушится один из самых красивых и героических сюжетов нашей истории. Мы помним, что Александр Пересвет... перед битвой вышел на поединок с ордынским богатырем Челубеем, убил его, был смертельно ранен, однако успел благословить русскую рать... Почти всё здесь — вымысел автора „Сказания о Мамаевом побоище“, что было написано в XVI в., через 200 лет после битвы. Другие источники о начале сражения сообщают просто: „Начали сходиться полки русские с татарами“» [Кудряшов 2015a]. Ю. Ряцева воспроизводит «поединок богатырей», используя эмпирическую аргументацию — причисление А. Пересвета к лику святых; этот же вид аргументации применяет А. Барашова, делая ссылку на «некоторые источники»; к теоретической аргументации обращается К. Кудряшов, воспроизводя наблюдения ученых-историков о ненадежности такого источника, как «Сказание о Мамаевом побоище».

Проблема численности противостоящих войск обсуждается в анализируемых публикациях: «Обычно говорят о 150 тысячах ордынцев и 100 тысячах русских. Судя по последним исследованиям, основанным на церковных поминальных списках, Русь выставила не более 15 тысяч человек, около 20 тысяч» [Кудряшов 2015a]; «Итак, войско князя Московского включало не менее 14 родовых полков и пешего народного ополчения» [Барашова 2015]; «Я думаю, что было по тысяче где-то воинов с обеих сторон» (А. Синельников) [Панкин 2015]. К. Кудряшов использует теоретическую аргументацию, которая базируется на церковных поминальных списках; к этой же разновидности аргументации обращается А. Барашова, цитируя ученого: «„Тогда во многих русских землях поминали убитых и воспевали подвиг национальных героев. Мало того, состоялась первая попытка увековечить память павших путем внесения в государственный синодик, другие были сохранены летописцами и книж-

никами и оказались в местных записях и родовых преданиях“, — говорит Валерий Судakov» [Барашова 2015]. Аргументация А. Синельникова предположительно-эмпирическая: «Не было никаких двухсот тысяч. И искать двести тысяч трупов, захоронений здесь, учитывая, что войско Мамаю было вырезано практически все во время Куликовской битвы...» [Панкин 2015].

В публикациях, посвященных Куликовской битве, анализируются особенности оснащения и построения противостоящих войск: «Русский князь переиграл его вчистую, умелым маневром заставив произвести изнуряющий марш и принять бой на невыгодной позиции... Сложный глубокий расчлененный боевой порядок из пяти взаимосвязанных соединений пехоты и кавалерии плюс сильный фланговый удар резервом — тяжелой „кованой ратью“. Классический китайский военный канон!» [Кудряшов 2015a]; «...русские войска были хорошо подготовлены к битве. Проведенная Дмитрием Ивановичем военная реформа, укрепив ядро русского войска за счет княжеских конниц, дала доступ в число ратников многочисленным ремесленникам и горожанам, составившим „тяжелую пехоту“... Дмитрий Донской принял стратегически правильное решение: князь фактически отрезал себе пути отступления, перейдя Дон и уничтожив путь назад. Но и обеспечив себе надежный тыл — реку. Это тактический маневр, открывший новую страницу в русской военной тактике. План Дмитрия Ивановича состоял в том, чтобы не дать войску Мамаю соединиться с союзниками» [Барашова 2015]. К. Кудряшов использует декодирующую аргументацию, А. Барашова — оценочную, телеологическую, подчеркивая эффективность проведенной Д. Донским военной реформы и выбранного тактического маневра.

А. Синельников, используя декодирующую аргументацию, поднимает проблему стратегического руководства Куликовской битвой: «...она стратегически исполнена была воеводой Боброком, потому что Дмитрию Донскому было 18 лет, мы все время это забываем» [Панкин 2015] (замечание о возрасте неточное: Д. Донской родился в 1350 г.; на момент сражения ему было 30 лет. — Н. Н.).

Шестая проблема — это проблема значения Куликовской битвы. Так, например, А. Барашова использует оценочные аргументы, подчеркивая эффективность анализируемого события, актуализирует декодирующую аргументацию, которая позволяет уточнить историческое значение Куликовской битвы, используя прием «апелляции

к авторитету», ссылаясь на мнение ученого-историка: «Как говорят историки, поражение Мамаю было полным, и преследование противника затянулось за полночь, однако, цитируя ученого: „Победа вне сомнения знаковая. Русские смогли показать, что мы можем воевать, умеем воевать. Конечно, никакого быстрого и скоротечного освобождения от ордынского влияния не произошло в 14-м веке“, — говорит Василий Саблин» [Барашова 2015].

Итак, в газетном дискурсе находят отражение следующие признаки анализируемого события: причинность (власть Золотой Орды над Русью); динамичность, рассмотрение в целостности и по фазам и длительность представлены в детализации Куликовской битвы, контролируемость и ролевые функции участников события актуализируются в описании роли в победе на поле Куликовом Д. Донского и Д. М. Боброка Волынского, противопоставление известного и желательного развития события проявляется в воспроизведении сцены ночного гадания, битвы Александра Пересвета и Челубея; достоверность события, а также традиционная интерпретация его пространственно-временной локализации ставится под сомнение И. Панкиным, А. Синельниковым; достигнуто цели события — освобождения от татаро-монгольского ига — представляется не завершенной, однако именно Куликовская битва предопределила историческое событие 1480 г.: «Начало стояния на реке Угре положило конец татаро-монгольскому игу», способствовало созданию независимого государства: «...родилась та Россия, в которой мы живем» [Кудряшов 2015б].

Таким образом, интерпретация исторического события отражает убеждения журналистов, направлена «на пропаганду тех или иных идей», адресант стремится убедить читателя в истинности своих суждений, побуждает его разделить высказываемую точку зрения, используя не только теоретические, эмпирические, декодирующие аргументы, но и оценочные, рассчитанные на «эмоциональное воздействие» на адресата.

Прецедентность интерпретации состоит в том, что политическая интерпретация исторического события транслируется в вербальных или вербализованных культурных знаках: историческое событие «Куликовская

битва» относится к числу прецедентных, информация о реальности этого события получена из прецедентных тестов: «Летописной повести», «Задонщины», «Сказании о Мамаевом побоище», — имена исторических личностей С. Радонежского, Д. Донского квалифицируются как прецедентные.

ИСТОЧНИКИ

1. Барашова А. Память Куликова поля // Московский комсомолец-Вологда. 2015. 19 марта.
2. Кудряшов К. Переиграть Мамаю. Как Дмитрий Донской одолел более сильного противника // Аргументы и факты. 2015а. № 37.
3. Кудряшов К. Гениальный план Ивана Великого. Как стояние на Угре положило конец игу // Аргументы и факты. 2015б. № 42.
4. Панкин И. Была ли Куликовская битва // Радио «Комсомольская правда». 2015.13.09. URL: <http://www.kp.ru/radio/stenography/136864/>.
5. Рябцева Ю. Пересвет над Москвой-рекой // Московский комсомолец. 2015. 22 июня.

ЛИТЕРАТУРА

6. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка. Событие. Факт. — М.: Наука, 1988.
7. Баранова Е. А. Конвергентная журналистика. Теория и практика: учеб. пособие. — М.: Юрайт, 2015.
8. Бочаров А. В. Основные методы исторического исследования. — Томск: ТГУ, 2006.
9. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. и сост. В. В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова; авт. вступ. ст. Ю. Н. Караулов и В. В. Петров. — М.: Прогресс, 1989.
10. Демьянков В. З. Эффективность аргументации как речевого воздействия // Проблемы эффективности речевой коммуникации. — М.: ИНИОН АН СССР, 1989. С. 13—40.
11. Закон РФ «О днях воинской славы России». URL: http://www.slavaurala.ru/media/ФЗ_О%20Днях%20воинской%20Славы%20России.doc.
12. Куликовская битва // Исторический словарь. URL: <http://enc-dic.com/history/Kulikovskaja-Bitva-18983.html>.
13. Нахимова Е. А. Истории России как источник прецедентных имен и названий // Язык. Текст. Дискурс: науч. альманах Ставропол. отд-ния РАЛК / под ред. проф. Г. Н. Манаенко. — Краснодар: Изд-во Ставропол. гос. ин-та, 2008. Вып. 6. С. 114—122.
14. Нахимова Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011.
15. Немирова Н. В. Прецедентность интерпретации исторических событий в российской и украинской политических картинах мира (на материале российских СМИ) // Концептуальные и семантико-грамматические исследования: памяти проф. Е. А. Пименова: сб. науч. статей / отв. ред. М. В. Пименова. — М.: ИЯ РАН, 2011. С. 431—439. (Сер. «Филологический сборник»; вып. 11).
16. Петров А. Е. Куликово поле в исторической памяти: формирование и эволюция представлений о месте Куликовской битвы 1380 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 3 (13). С. 22—30.
17. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. 2-е изд., испр. — М.: Флинта: Наука, 2007.

N. V. Nemirova
Syktyvkar, Russia

PRECEDENCE IN THE INTERPRETATION OF HISTORICAL EVENT “THE BATTLE OF KULIKOVO” IN NEWSPAPER DISCOURSE

ABSTRACT. *The Battle of Kulikovo in the newspaper discourse is studied from the point of view of the precedence theory. The analysis of historical events in political communication depends on many factors, but the main factor is the structural parameter — the opposition “we — the others”. Political interpretation of the historical events should be considered precedent, because historical events (political scenario) are a number of precedent situations, the names of historical figures are precedent names, phrases from political leaders*

are precedent statements. The analysis of publications showed that the journalists reproduce the following structural elements of the analyzed event, which they found in different sources: blessing of Prince Dmitry by S.Radonezhsky before the battle with Mamay; the night fortune-telling before the battle between Prince Dmitry and D.M. Bobrok Volynsky; the fight between Alexander Peresvet and Chelubey, alignment of the Russian and Mamay's troops; the results of the battle; the role of the Battle of Kulikovo in the history of Russia. Main problems in interpretation of the historical event were revealed, among them: reliability of the sources it is described in, its actuality, places, the usage of the antroponym "Dmitry Donskoy", details, role in the Russian history; "internal" and "external" features of the event are defined; theoretical, empirical, evaluative and decoding arguments used by the authors of the articles are analyzed. It is shown that interpretation of the historical event reflects beliefs of the journalists, and is focused on "propaganda of this or that idea", the addresser tries to convince the reader in the verity of their judgements, persuades to share the same opinion using not only theoretical, empirical and decoding arguments, but evaluative as well, which is the tool of "emotional persuasion".

KEYWORDS: precedent phenomena; historic event; "internal" and "external" signs of events; problems of interpretation; demythologization; argumentation.

ABOUT THE AUTHOR: Nemirova Natalya Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Philological Education, Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Syktyvkar, Russia.

REFERENCES

1. Barashova A. Pamyat' Kulikova polya // Moskovskiy komsomolets-Vologda. 2015. 19 marta.
2. Kudryashov K. Pereigrat' Mamaya. Kak Dmitriy Donskoy odolel bolee sil'nogo protivnika // Argumenty i fakty. 2015a. № 37.
3. Kudryashov K. Genial'nyy plan Ivana Velikogo. Kak stoyanie na Ugre polozhilo konets igu // Argumenty i fakty. 2015b. № 42.
4. Pankin I. Byla li Kulikovskaya bitva // Radio «Komsomol'skaya pravda». 2015.13.09. URL: <http://www.kp.ru/radio/stenography/136864/>.
5. Ryabtseva Yu. Peresvet nad Moskvoy-rekoy // Moskovskiy komsomolets. 2015. 22 iyunya.
6. Arutyunova N. D. Tipy yazykovykh znacheniy: otsenka. Sobytiye. Fakt. — M.: Nauka, 1988.
7. Baranova E. A. Konvergentnaya zhurnalistika. Teoriya i praktika: ucheb. posobie. — M.: Yurayt, 2015.
8. Bocharov A. V. Osnovnye metody istoricheskogo issledovaniya. — Tomsk: TGU, 2006.
9. Deyk van T. A. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya / per. s angl. i sost. V. V. Petrova; pod red. V. I. Gerasimova; avt. vstup. st. Yu. N. Karaulov i V. V. Petrov. — M.: Progress, 1989.
10. Dem'yankov V. Z. Effektivnost' argumentatsii kak rechevogo vozdeystviya // Problemy effektivnosti rechevoy kommunikatsii. — M.: INION AN SSSR, 1989. S. 13—40.
11. Zakon RF «O dnyakh voinskoj slavy Rossii». URL: http://www.slavaurala.ru/media/FZ_O%20Dnyakh%20voinskoj%20Slavy%20Rossii.doc.
12. Kulikovskaya bitva // Istoricheskiy slovar'. URL: <http://enc-dic.com/history/Kulikovskaja-Bitva-18983.html>.
13. Nakhimova E. A. Istoriya Rossii kak istochnik pretsedentnykh imen i nazvaniy // Yazyk. Tekst. Diskurs: nauch. al'manakh Stavropol. otd-niya RALK / pod red. prof. G. N. Manaenko. — Krasnodar: Izd-vo Stavropol. gos. ped. in-ta, 2008. Vyp. 6. S. 114—122.
14. Nakhimova E. A. Pretsedentnye onimy v sovremennoy rossiyskoj massovoy kommunikatsii: teoriya i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2011.
15. Nemirova N. V. Pretsedentnost' interpretatsii istoricheskikh sobytii v rossiyskoj i ukrainskoj politicheskikh kartinakh mira (na materiale rossiyskikh SMI) // Kontseptual'nye i semantiko-grammaticheskie issledovaniya: pamyati prof. E. A. Pimenova: sb. nauch. statey / otv. red. M. V. Pimenova. — M.: IYa RAN, 2011. S. 431—439. (Ser. «Filologicheskii sbornik»; vyp. 11).
16. Petrov A. E. Kulikovo pole v istoricheskoy pamyati: formirovaniye i evolyutsiya predstavleniy o meste Kulikovskoy bitvy 1380 g. // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2003. № 3 (13). S. 22—30.
17. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika: ucheb. posobie. 2-e izd., ispr. — M.: Flinta: Nauka, 2007.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. А. Нахимова.